

Редьярд Киплинг

Бегство белых гусар

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Киплинг
Бегство белых гусар

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

Бегство белых гусар / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1888

«Очень многие убеждены, что полк английской кавалерии не может обратиться в бегство. Это ошибка. Я видел самолично, как четыреста тридцать семь гусар в постыдной панике мчались по равнине; я видел, как лучший полк был вычеркнут из списка армии в каких-нибудь два часа. Если вы напомним об этом Белым Гусарам, то, по всей вероятности, они жестоко поступят с вами: они не гордятся тем, что случилось...»

Редьярд Киплинг Бегство белых гусар

* * *

Очень многие убеждены, что полк английской кавалерии не может обратиться в бегство. Это ошибка. Я видел самолично, как четыреста тридцать семь гусар в постыдной панике мчались по равнине; я видел, как лучший полк был вычеркнут из списка армии в каких-нибудь два часа. Если вы напомним об этом Белым Гусарам, то, по всей вероятности, они жестоко поступят с вами: они не гордятся тем, что случилось.

Белых Гусар сразу можно узнать по их саблям, которые больше, чем сабли в каком-либо другом полку. Если и этого отличия недостаточно, то можно узнать их по их старой водке. Вот уже шестьдесят лет она не переводится в офицерском собрании и стоит того, чтобы её отведать. Спросите старой водки «Мак-Геро» и тотчас же получите её. Если унтер-офицер, служащий в офицерском собрании, заметит, что вы невоспитанны, что чистейший напиток пропал зря, он отнесётся к вам снисходительно, он человек добрый. Но за офицерским обедом – молчок о форсированных маршах и верховой езде: собрание весьма щепетильно на этот счёт, и если усмотрит в ваших словах глумление, то разговаривать с вами не станет.

Как говорят Белые Гусары, это была вина их полкового командира. Он был новичок в полку и не должен был брать команду в свои руки. Он заявил, что солдаты плохо обучены... Это Белые Гусары-то, полагавшие, что они могут пройти и огонь и воду! Это было оскорбление, и оно послужило первым поводом к возмущению.

Затем полковник забраковал лошадь тамбур-мажора Белых Гусар. Впрочем, может быть, вы и не представляете себе, какое тяжкое преступление он совершил. Душа всего полка заключена в этой лошади. Она – обычно это рослый пегий жеребец – носит серебряные литавры. Она для полка – вопрос чести. Полк потратит на неё все что угодно. Она не подлежит закону об отставке. Её работа очень легка – она выступает только шагом. А потому, пока она ещё может выступать, пока она ещё не утратила своей красоты, её благополучие обеспечено. Она знает полк лучше, чем сам адъютант, она непогрешима.

Лошади тамбур-мажора Белых Гусар было только восемнадцать лет, и она прекрасно исполняла свои обязанности. По крайней мере, ещё шесть лет она могла работать в полку, и она с полным достоинством носила свой титул. Полк заплатил за неё 200 рупий.

Но полковник приказал её убрать, и это было сделано. Её заменил невзрачный конь гнедой масти, похожий на мула, с овечьей шеей, крысиным хвостом, с ногами, как у коровы. Барабанщик возненавидел его, а лошади музыкантов прижимали уши и сверкали на него белками глаз. Я думаю, что мысли полковника о плохой обученности полка распространялись и на музыкантов и что он хотел их заставить принимать участие в обыкновенных парадах. Кавалерийский оркестр – вещь священная. Он присутствует на парадах только в торжественных случаях, и капельмейстер стоит ступенью выше полковника. Он – верховный жрец, и «равняйся» – его священный гимн. И тот, кто никогда не слышал звуков этого гимна, пронзительных и высоких, слышных даже сквозь бряцанье шествующего полка, тот многого не слышал, многого не ведает. Когда полковник дал отставку лошади тамбур-мажора Белых Гусар, в полку вспыхнул чуть ли не настоящий бунт.

Офицеры сердились, кавалеристы неистовствовали, музыканты бранились, как простые рядовые. Продать лошадь тамбур-мажора с аукциона, с публичного торга, чтобы её купил какой-нибудь парс и запряг в телегу! Это было хуже, чем выставить всему свету всю подноготную полка, хуже, чем продать еврею, чёрному еврею, посуду из офицерского собрания!

Полковник был низкий человек и к тому же задира: он знал, как отнесётся полк к такому аукциону, и, когда кавалеристы предложили сами купить лошадь тамбур-мажора, он сказал, что подобное предложение противозаконно.

Но один из субалтернов – ирландец Гоган Яль – купил лошадь тамбур-мажора за 160 рупий. Полковник пришёл в ярость. Яль просил прощения, это был невероятно кроткий человек, говорил, что купил лошадь только затем, чтобы избавить её от дурного обращения, которому она подвергнется, и от голода, и что он застрелит её. Казалось, это успокоило полковника, так как он велел ему отдать лошадь тамбур-мажора. Он чувствовал, что сделал ошибку, но признаться в ней, конечно, не хотел; присутствие же лошади раздражало его.

Яль выпил стакан старой водки, взял три сигары и Мартина, своего друга, и оба вместе вышли из собрания. Целых два часа Яль совещался с Мартином у себя на квартире, но только бультерьер, который стережёт сапожные колодки Яля, знает, о чем они говорили.

Лошадь, закутанную и завёрнутую вплоть до ушей, вывели из конюшни и против воли увели далеко от лагеря. С ней пошёл грум Яля, а друзья пробрались в полковой театр и забрали там несколько жестянок с краской и кисти. И когда наступила ночь, в конюшне Яля слышался такой шум, словно его собственный конь – старый огромный белый жеребец хотел разнести ударами копыт свои ясли.

На другой день был четверг, и кавалеристы, узнав, что Яль ушёл стрелять лошадь тамбур-мажора, решили устроить ей настоящие полковые похороны, наверное, много лучше тех, которые устроили бы они полковнику, умри он теперь. Они раздобыли телегу, брезент и целый ворох роз, и труп лошади, накрытый этим брезентом, был отвезён на то место, где сжигались трупы животных, павших от заразной болезни. Две трети всего полка следовали за телегой. Музыкантов не было, но все пели хором гимн, посвящённый павшей старой лошади, подходивший к данному случаю. Когда труп опустили в землю и кавалеристы стали бросать на могилу розы, чтобы усыпать весь труп, коновал выругался вслух:

– А ведь лошадь-то эта так же похожа на лошадь тамбурмажора, как я на неё.

Унтер-офицер спросил, не пропил ли он в кабаке и свою голову? Коновал ответил, что знает ноги лошади тамбур-мажора не хуже своих ног. Но замолчал, когда увидел на закованной ноге её, обращённой к ним, полковое тавро.

Итак, лошадь Белых Гусар была похоронена. Коновал ворчал: брезент, покрывавший труп, был запачкан в некоторых местах краской, и он заметил это. Но унтер-офицер грубо ткнул его в скулу, сказав, что он не иначе как пьян.

В следующий за похоронами понедельник полковник отомстил Белым Гусарам. Будучи как раз в это время главным начальником, он отдал распоряжение о бригадном учении. Он сказал, что «проманежит полк до пота за его проклятое нахальство», и выполнил своё обещание как нельзя лучше. Этот понедельник оставил у Белых Гусар самое неприятное воспоминание. Они бросались на воображаемого врага, скакали то вперёд, то назад, слезали с лошадей и спешивались, словом, проделывали всевозможные вещи, и все это на пыльной равнине, обливаясь потом. Радость пришла потом, в тот же вечер, когда они напали на конную артиллерию и гнали её две мили. Но это был личный вопрос, и у большинства кавалеристов были свои счёты.

Артиллеристы говорят открыто, что Белые Гусары бежали от них. Они не правы. Парадный марш закончил эту кампанию, и, когда полк вернулся в лагерь, солдаты были покрыты пылью от шпор до подбородка.

Белые Гусары имели одно большое и совсем особенное преимущество. Мне кажется, они приобрели его ещё при Фонтенуа.

Многие полки обладают особым правом: в известные дни, например, носить воротники вместе с вицмундиром, бант на плечах, красные или белые розы на шлеме. Такое право обычно связано или со святым, которого почитает известный полк, или с каким-либо успешным делом, совершённым полком. Это право ценится очень высоко. Но превыше всего Белые Гусары ста-

вили своё право ездить на водопой под звуки оркестра. Играется одна и та же неизменная песня. Я не знаю её настоящего названия, но Белые Гусары зовут её так: «Возьми меня в Лондон опять». Она очень приятная. Полк скорее согласится быть вычеркнутым из регламента, чем отказаться от этого отличия.

После того как прозвучал отбой, офицеры поехали домой, чтобы отдать лошадей в конюшни, а солдаты, сохраняя ещё строевой порядок, вольно проезжали лошадей, т. е. расстегнули тугие мундиры, сняли шлемы, шутили или бранились, смотря по настроению. Кто был позаботливее, соскакивал с лошади и отпускал подпруги и мундштук. Хороший кавалерист ценит свою лошадь, как самого себя, и полагает, или, по крайней мере, должен полагать, что оба вместе они неотразимы, идёт ли дело о мужчинах или женщинах, девушках или ружьях.

Затем дежурный офицер отдал приказ: «На водопой!» И полк тронулся к эскадронным корытам, находившимся между конюшнями и казармами. Всего было четыре корыта, по одному для каждого эскадрона, устроенных так, что весь полк, если бы хотел, мог напоить лошадей за десять минут; обычно же водопой длился семьдесят минут, и музыканты играли все это время.

Оркестр заиграл, лишь только эскадроны растянулись вдоль корыт. Кавалеристы один за другим слезали с коней. Солнце садилось в большом огненно-алом облаке, и дорога, уходившая на закат, казалось, бежала прямо на этот огромный глаз – солнце. Но вот на дороге показалась какая-то точка. Она все росла и росла, пока не превратилась в подобие лошади с чем-то вроде рашнера, сидящим на её спине. Огненное облако сверкало сквозь планки рашнера. Некоторые кавалеристы посмотрели из-под руки и сказали:

– Что это за чудовище на спине у лошади?

А через минуту послышалось ржанье, которое знала каждая душа в полку – человечья и лошадиная, – и все увидели несущуюся во всю прыть прямо к оркестру похороненную лошадь тамбур-мажора Белых Гусар.

У неё на загривке трепались и хлопали завернутые крепом литавры, а на спине браво, по-солдатски, сидел скелет с голым черепом.

Музыка смолкла, воцарилось недолгое молчание.

Затем кто-то – солдаты говорили, что это был унтер-офицер из роты Е – закричал и повернул свою лошадь. Никто не скажет в точности, что было потом. По-видимому, в каждой роте нашёлся такой же кавалерист, заразивший других, следовавших за ним, как стадо баранов, своим ужасом. Лошади, только что всунувшие морды в корыта, отпрянули и взвились на дыбы. Но лишь только сорвались музыканты, а они сделали это, когда призрак лошади тамбур-мажора был на расстоянии версты, все ринулись за ними, и ужасный крик, отличный от обычного волнения и шума на параде или грубых шуток на водопое или в поле, напугал их ещё больше. Они почувствовали, что люди, сидящие на их спинах, чего-то испугались. А раз лошади поняли это, дело может кончиться бойней.

Эскадрон за эскадронам поворачивал от корыт и кидался куда попало, словно рассыпавшаяся ртуть. Зрелище было ещё необыкновеннее потому, что как у кавалеристов, так и у лошадей все было распущено, и чехлы ружей, ударяясь о бока лошадей, приводили их в бешенство. Кавалеристы кричали и бранились, стараясь вырваться из толпы музыкантов, гонимых лошадью тамбур-мажора, всадник которой наклонился вперёд и, как бы состязаясь, пришпоривал лошадь.

Полковник пришёл в собрание, чтобы выпить, большинство офицеров были с ним, дежурный субалтерн собрался идти в лагерь, чтобы принять рапорт о водопое от унтер-офицера. Но когда «Возьми меня в Лондон опять» оборвалось на двадцать первом такте, все, бывшие в собрании, воскликнули: «Что-то случилось!»

Спустя мгновение все услышали какой-то шум, совсем не похожий на военный, и увидели Белых Гусар, рассеянно и беспорядочно несущихся вскачь по равнине. Полковник не

мог вымолвить ни слова от бешенства, полагая, что полк или взбунтовался против него, или напился пьян до бесчувствия. Впереди рассеянной толпой скакали музыканты, а за ними по пятам мчалась лошадь тамбур-мажора – павшая и похороненная лошадь тамбур-мажора – с подпрыгивающим, болтающимся скелетом. Гоган Яль тихо шепнул Мартину: «Теперь уж их ничем не удержишь». Музыканты, словно зайцы по своим следам, стали возвращаться в лагерь. Но остальной полк рассеялся и исчез: сумерки сгустились, и каждый кричал своему соседу, что его преследует лошадь тамбур-мажора. С кавалерийской лошадей обходятся очень нежно, но при случае она может сделать очень многое, кавалеристы убедились в этом.

Как долго продолжалась паника, я не могу сказать. Думаю, что только когда вошёл месяц, кавалеристы поняли, наконец, что бояться им нечего, и кучками по двое, по трое и полуротами поплелись в лагерь, весьма сконфуженные. Тем временем лошадь тамбур-мажора, отвергнутая своими старыми товарищами, остановилась, повернулась и побежала к собранию, к самой веранде, за хлебом. Никто не бежал от неё, но никто и не подходил к ней, пока полковник не схватил скелет за ногу. Музыканты, остановившиеся на некотором расстоянии, стали медленно подъезжать. Полковник ругал их в это время самыми отборными выражениями, которые только приходили ему в голову. Он взялся за грудь лошади тамбур-мажора и почувствовал живое тело. Тогда он ударил кулаком по литаврам и увидел, что они сделаны из бамбука и серебряной бумаги. Затем, все ещё ругаясь, он попытался стащить скелет с седла, но он был привязан проволокой к чурбану. Вид полковника, схватившего скелет руками и упиравшегося коленями в живот лошади, был поразительный, не скажу, чтобы приятный. Он стащил скелет через минуту или две и бросил на землю. «Вот, собаки, чего вы испугались!» – сказал он музыкантам.

Скелет в сумерках выглядел не очень красиво. Капельмейстер, видимо, узнал его, потому что начал хихикать и давиться смехом.

– Убрать прикажете его отсюда, сэр? – сказал капельмейстер.

– Убрать! – сказал полковник. – Тащи его ко всем чертям, да и сам отправляйся туда же.

Капельмейстер отдал честь, перекинул скелет через седельную луку и двинулся к конюшне. Затем полковник начал допрашивать кавалеристов, и язык его был прямо-таки удивительный. Он рассказывает весь полк, предаст военному суду всех поголовно, откажется командовать подобной сволочью и т. д., и, по мере того как солдаты собирались, его выражения становились все грубее и грубее, пока, наконец, не дошли до крайнего предела, позволенного полковнику кавалерии.

Мартин отвёл Гогана Яля, поднял брови и заметил, что, во-первых, он сын лорда, а во-вторых, он невинен, как грудной младенец, в этом театральном воскрешении лошади тамбур-мажора.

– Я хотел, – сказал Яль с удивительно кроткой улыбкой, – вернуть в полк лошадь тамбур-мажора наиболее оглушительно. Но, спрашивается, ответствен ли я за то, что моему тупоумному приятелю вздумалось вернуть её так, что она возмутила душевный мир кавалерийского полка её величества?

Мартин сказал:

– Ты великий человек и непременно станешь генералом. Но я хотел бы совсем выйти из эскадрона, чтобы только избавиться от этого дела.

Провидение спасло и Мартина, и Гогана Яля. Ротмистр отвёл полковника в маленький занавешенный альков, где по ночам младшие офицеры Белых Гусар играли в карты, и там, после многих ругательств со стороны полковника, они тихо заговорили оба вместе. Я думаю, что ротмистр представил все происшествие делом рук какого-нибудь солдата, которого искать бесполезно. Я знаю, что он напирал на то, что и грешно и стыдно сделать из этого случая всеобщее посмешище.

– Нас назовут... – сказал ротмистр, обладавший действительно пылким воображением, – нас опозорят, дадут нам гадкие клички. Никакие доводы в мире не убедят всех, что офицеры не участвовали в бегстве. Ради чести полка, ради вас самих отнеситесь к этому спокойно.

Полковник до такой степени утомился от гнева, что успокоить его было уж не так трудно, как это могло казаться. Ласково и постепенно его заставили понять, что предать весь полк военному суду есть очевидная нелепость, а равно невозможно и обвинить, по одному только подозрению, какого-либо субалтерна, несомненно участвовавшего в этой выдумке.

– Но ведь лошадь жива. Никто и не думал стрелять её. Это дерзкое самоуправство. Я знаю случаи, когда солдаты несли строгую кару за меньшие провинности, гораздо меньшие. Это издевательство надо мной, понимаешь, Нутман, издевательство!

Ротмистр снова принялся успокаивать полковника и бился с ним целых полчаса, покуда не явился полковой вахмистр с рапортом. Положение его было щекотливое, но это был не такой человек, которого можно было чем-нибудь обескуражить. Он отдал честь и доложил:

– Полк весь вернулся, сэр.

И, чтобы задобрить полковника, прибавил:

– Ни одна лошадь не пострадала, сэр.

– Пойдите-ка лучше да уложите ваших героев в постель, да покараульте, как бы они не проснулись ночью и не стали кричать.

Сержант удалился. Эта шутка развеселила полковника, он почувствовал даже некоторое раскаяние в том, что позволил себе такую брань. Ротмистр не отстал от него, и они проговорили до поздней ночи.

Через день был парад, и полковник отчитал Белых Гусар. Суть его речи сводилась к тому, что раз лошадь тамбур-мажора даже при своей старости могла расстроить весь полк, то она должна вернуться на старое место во главе оркестра, но сам полк – шайка бессовестных проходимцев.

Белые Гусары закричали и стали бросать вверх все, что только было возможно, а когда парад кончился, они ликовали до тех пор, пока не охрипли. Но никто не выразил одобрения Гогану Ялю, который стоял позади и мягко улыбался.

Ротмистр сказал полковнику наедине:

– Такие происшествия, правда, вредят популярности полка, но дисциплину не подрывают.

– Но я изменил своему слову, – сказал полковник.

– Ничего, – ответил ротмистр. – Теперь Белые Гусары пойдут за вами на край света. Солдаты – те же женщины: все сделают за безделицу.

Неделю спустя Гоган Яль получил письмо от кого-то за подписью: «Секретарь Милосердия и Усердия, 3709, Э. Ц.» Он просил возвратить «наш скелет, который, по дошедшим до нас сведениям, находится у вас».

– Что ещё за черт нашёлся, который торгует костями! – воскликнул Гоган Яль.

– Простите, сэр, – сказал вахмистр. – Скелет у меня, и я возвращу его по принадлежности, если вы заплатите за подводу. При нем и гроб имеется.

Гоган Яль улыбнулся и вручил вахмистру две рупии, говоря:

– А число на черепахе можно поставить, а?

Если вы сомневаетесь в правдивости этого рассказа, то можете сами отправиться в город и убедиться. Только не говорите об этом Белым Гусарам.

Я знаю это потому, что сам готовил лошадь тамбур-мажора к воскрешению. Она не очень дружелюбно относилась к скелету.